

12. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты / Д. М. Чечот. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 72 с.
13. Чирков А. П. Ответственность в системе права : учеб. пособие / А. П. Чирков. – Калининград : Калинингр. ун-т, 1996. – 77 с.
14. Шиндяпина М. Д. Стадии юридической ответственности : учеб. пособие / М. Д. Шиндяпина. – М. : Кн. мир, 1998. – 162 с.
15. Явич Л. С. Общая теория права / под ред. А. И. Королев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 285 с.

ЛЕВЧЕНКО А. О.

П. А. РОВИНСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В ЭТНОГРАФИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСОРГО

Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916) – известный русский путешественник, историк-славист, этнограф и публицист. Родился в 1831 г. в г. Саратове. В 1852 г. окончил курс обучения на филологическом факультете Казанского университета и вскоре там же получил место преподавателя. Однако вскоре молодой и многообещающий ученый вдруг отказывается от занимаемой должности и осенью 1855 г. уезжает из Казани. Причина такого поступка крылась в революционной деятельности Павла Аполлоновича, ставшего позднее одним из активных руководителей организации «Земля и воля» [1]. В последующие годы Ровинский в качестве корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей» посещает Чехию, Австрию и Сербию. В 1870 г. ученый едет в Западную Сибирь и Монголию, куда его влечет, очевидно, не только чисто этнографический интерес, но и некоторые политические соображения. Именно в это время друзьями Ровинского готовится побег с каторги Чернышевского, близким знакомым и духовным единомышленником которого он был с начала 50-х гг. [2]. Так или иначе, но именно эта поездка предоставила ученому богатейший материал для написания его наиболее ярких этнографических работ.

Известно, что Павел Аполлонович Ровинский обратился к вопросам славяноведения практически с первых шагов своей научной деятельности, еще в ту пору, когда оно было малоизвестной и малопопулярной областью филологии. Этот выбор он сделал, будучи студентом Казанского университета, под влиянием увлекательных лекций В. И. Григоровича. «Трудно было ожидать, чтобы при тогдашней скудности библиотечных средств было много охотников изучать “славянские наречия”, но охотники все-таки были: например, мое любопытство и любозна-

тельность в этом направлении встретились с такой же любопытностью моего старшего приятеля П. А. Ровинского», – вспоминал А. Н. Пыпин [1, с. 38].

Изучение славян на юге и западе Европы, где они испытали многовековое влияние греко-римской культуры, не могло дать всего того, что было необходимо «для полного понимания их характера и способностей»; надлежало изучить их «там, где они... должны сами явиться элементом цивилизующим». Наиболее подходящей территорией П. А. Ровинскому представлялась именно Восточная Сибирь. Он путешествовал здесь с 1870 до 1873 г., наблюдая население «между Леной и Ангарой», в Приангарье, в пределах Иркутской губернии, в Тункинской долине, в Забайкалье – местности по рекам Селенге, Чикою, Ингоде, Онону и Аргуни. В 1872 г. им была совершена поездка по Амуру и его притокам; в следующем он закончил свои сибирские наблюдения Минусинским краем. Результатом наблюдений явились статьи, помещенные в «Известиях» ВСОРГО за годы путешествий по Восточной Сибири. О характере работ можно судить по описаниям жизни населения в Забайкалье, которому он посвятил две статьи («Этнографические исследования в Забайкальской области» (1872) и «Материалы для этнографии Забайкалья» (1873)). В них нарисована картина того, как «постепенно изменяется русский тип» по мере удаления на восток, «где он иногда совершенно теряется в чуждом элементе», а с изменением типа населения меняются и внешний вид селений, и построек, и говор: «Другой говор, другой обычай, иной характер во всем, которого вы сразу не определите, но, тем не менее, чувствуете» [4, с. 120]. Русское население края он делил на несколько групп: 1) потомство первых вольных поселенцев, 2) ясачные, 3) семейские, 4) малороссияне. Забайкальские старообрядцы привлекли наибольшее внимание путешественника. «Огромное культурное значение семейских в Забайкалье сознается всеми; но роль их еще не кончена: много еще пустынь есть в Забайкалье, которые нуждаются в них» [5, с. 133]. Менее определенны суждения П. А. Ровинского о других группах русско-сибирского населения. Остановливаясь на разных элементах народной культуры, он во многих случаях усматривал лишь подчинение русских туземному влиянию; говоря о характере населения, о взаимных отношениях отдельных групп населения, он находил у славян, осевших в Сибири, изменения не в лучшую сторону. Вместе с тем он выделял у русского сибиряка «черты, способные к здоровому развитию». Интересны, хотя также не достаточно определенны, его умозаключения относительно русского

языка в Сибири, помещенные в некоторых статьях, главным образом в «Замечаниях об особенностях сибирского наречия» [6], являвшихся, по отзыву современных языковедов, «наиболее замечательным явлением в области диалектологического изучения Сибири» предпоследней четверти XIX в. [7]

П. А. Ровинский делал попытку установить особенности сибирского наречия в звуках, словообразовании, в управлении слов, в ударении, определить условия, в которых образовались непривычные формы-провинциализмы, наблюдающиеся в сибирском «наречии». В своих «Замечаниях» он, как будто, склонялся к признанию русско-сибирской речи за отдельное наречие. С другой стороны, он сознавался, что «как ни одинаков говор во всей Восточной Сибири, вы даже при мимоходном знакомстве заметите разноречия».

Пользуясь научно-литературным наследством П. А. Ровинского, можно сказать, что оно в малой степени соответствует продолжительности и территориальному охвату его больших и малых путешествий по Сибири. По сути, мы имеем, кроме отчетов, только путевые очерки, содержащие наброски, наскоро сделанные замечания; в соответствии с этим – незначительные выводы, колеблющиеся утверждения. Но для последующих сибирских изучений деятельность П. А. Ровинского не прошла бесследно: его работы были озарены высокой и руководящей идеей; его поиски материалов вызывались и оправдывались необходимостью ответить на вопросы принципиального характера – о судьбах славянского племени в Сибири. Недостаточность подготовительных работ прекрасно осознавал и сам П. А. Ровинский, намечая на ближайшее время программу этнографических изучений Сибири: «Нужно знакомиться с бытом народа, нужно подметить и собрать все особенности, как наружного типа, так и языка, образа жизни и духовной деятельности народа, выражающейся в песне, сказке и верованиях».

Следует заметить, что выводы П. А. Ровинского опирались исключительно на наблюдения за внешними проявлениями жизни народов Сибири. В основном П. А. Ровинский занимался языковыми наблюдениями, попутно указывая на неотложность собирания и изучения произведений устного творчества, хотя сам в этой области дал весьма незначительный материал. И вообще явления так называемой духовной культуры народов Восточной Сибири были далеко не на видном месте в кругу наблюдений деятелей рассматриваемого периода. В связи с чем здесь

усматривается, по сути, продолжение той полосы этнографических изучений, которая наметилась по ту сторону Урала вслед за крестьянской реформой и выразилась в изучении хозяйственного быта, уклада народной жизни... Отсюда и односторонность изучений, которая породила те последствия, о которых было упомянуто выше. Тем не менее, большая научная подготовка, наблюдательность, необыкновенное умение сходить с народом характеризовали П. А. Ровинского как исключительно превосходного исследователя-этнографа. Эти особенные, уникальные черты и придавали особую ценность его этнологическим исследованиям в Восточной Сибири. Примечателен тот факт, что во многих подробностях замечания Павла Аполлоновича о свойствах русского населения Сибири во многом сходились с взглядами А. П. Шапова, но общий вывод был менее суров: в сибирском характере П. А. Ровинский разглядел черты, способные к здоровому развитию, при условиях лучшего управления и распространения образования. Еще раз хочется подчеркнуть важность почти единственных в своем роде исследований ученого о русско-сибирском наречии (в тех же «Известиях» за 1873 г.), которое, по его замечанию, чем дальше на восток, тем больше испещряется чужими примесями. Павел Аполлонович старался определить особенности этого наречия в звуках, ударениях, словообразовании, управлении слов, наконец, в словаре и наметить исторические условия, при которых образовались странные формы, нередко поражающие в сибирском наречии.

Его работы максимально полно отражали глубокие научные познания, редкую наблюдательность, желание автора донести нечто такое, о чем многие наверняка и не задумывались. Этнографическая составляющая почти всегда доминировала в исследованиях писателя, что позволило передать читателям поистине бесценные результаты исследований.

Отголоски и повторения суждений П. А. Ровинского будут встречаться и в более поздних трудах его последователей. Примечательно, что никогда еще ВСОРГО не пользовался такой известностью и авторитетом, как в последние два десятилетия XIX в. Выдающиеся результаты этнографической научной деятельности этого периода, которыми вправе мог гордиться Отдел, во многом прирастали именно благодаря сенсационным трудам и безграничной преданности его научных кадров, среди которых свой яркий неизгладимый след навсегда оставил Павел Аполлонович Ровинский.

Примечания

1. Пантелеев Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 322, 324, 327–328, 557–559; Михайлов Е. В. Письмо А. А. Слепцова П. А. Ровинскому от 3 (16) апреля 1950 г. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965. С. 426–431.

2. См.: Петухов В. К. К биографии П. А. Ровинского // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: сб. ст. к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969. С. 358.

3. Пыпин А. Н. Мои заметки. М., 1910. 38 с.

4. Известия Сибирского Отдела. 1872. Т. 3, № 3. С. 120.

5. Там же. С. 133.

6. Там же. 1873. Т. 4, № 1. Точное заглавие: «Об особенностях сибирского наречия и словарь». Этот словарь заслужил немало похвал; ссылки на него постоянны. В одном отчете, например (Известия Восточно-Сибирского Отдела. 1906. Т. XXVII, № 1. С. 52) читаем: «Из собранных им (Ровинским) материалов несомненный интерес представляет словарь, заключающий 1119 слов наречия Восточной Сибири». Далее указывается названная выше статья, но в ней, как и в других статьях, такого словаря нет.

7. Черных П. Я. Итоги и задачи диалектологического изучения Сибири // Библиотека собирателя (изд. Этнологической Секции ВСОРО). 1925. № 3.

ЛЕУСЕНКО Д. А.

ИДЕЯ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ» И СОДЕРЖАНИЕ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

В рамках осознания исторического смысла, задач и значения модели русской государственности идее «Москва – Третий Рим» принадлежит особое место. С точки зрения одной из наиболее распространенных концепций понимания теории «Москва – Третий Рим» (а в данном случае идея старца рассматривается как теория), это политическая теория XVI в. в России, обосновывавшая всемирно-историческое значение столицы Русского государства Москвы как политического и церковного центра. По мнению авторов этой концепции, исторической преемницей Римской и Византийской империй, павших из-за уклонения от «истинной веры», является Московская Русь – «Третий Рим» («Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бысти»). Как считают авторы, она сыграла значительную роль в оформлении официальной идеологии Русского централизованного государства и в борьбе против попыток Ватикана распространить свое влияние на русские земли; в XVI–XVII вв. в славянских странах Балканского полуострова теория «Москва – третий Рим» служила обоснованием идеи славянского единства и имела большое значение в борьбе южного славянства с турецким гнетом. Вместе с тем теория «Москва – третий Рим» содержала и реакционные черты – «богоизбранности» и национальной исключительности.